

Модальный оператор *может быть* имеет две формы. Прямая форма обозначает реальную возможность, вводит альтернативные Л- и Ф-миры (*Может быть, так, а может быть, иначе*). Инверсивная (линейно-не-связанная) форма обозначает гипотетическую возможность, вводит не-альтернативный Е-мир? (? *Быть может, так, а быть может, иначе*). Ср. эти две формы в двух «проектах» судьбы Ленского:

*Быть может, он для блага мира,
Иль хоть для славы был рожден.*

.....
*А может быть и то: поэта
Обыкновенный ждал удел.*

Ср. также такие пушкинские контексты: *Быть может (сладкое мечтание!); Быть может (лестная надежда!)*. Во всех этих случаях инверсивная форма выражает субъективное предположение или надежду, не совпадающую с объективной вероятностью.

Таким образом, начало фразы актуализирует гипотетическую модальность, переключает референцию в Е-мир. Это значит, что реальный мир должен быть «включен», т. е. (I) может вводить только М-мир. Однако Е-мир — это «невозможный возможный мир». Переключение в него в прямом смысле невозможно для говорящего. Именно поэтому фраза прерывается междустрочной паузой: она поглощает то иррациональное содержание («безумную надежду»), которого не «*м о ж е т б ы т ь*» для говорящего (быть может, жива?, быть может, воскреснет?). Это первое самоотрицание текста.

По данным конкорданса Д. Шоу [11], у Пушкина насчитывается 45 строк, содержащих *быть может*, в которых фраза прервана анжамбема-ном (*Что умирать? Я мнил: быть может, жизнь...*), и только 16 таких строк с формой *может быть* (общая частота этих форм примерно одинакова).

Поскольку переключение падает «между строк», вторая часть фразы возвращается в реальную модальность. Выражение «не совсем Р» предполагает физическую достижимость Р из актуального положения дел, т. е. объективную неизбежность угасания любви. Актуальное положение дел представлено здесь как фаза текущего процесса, и это противоречит смелости гипотезы, вводящей «бесконтекстный» Е-мир.

(Сходное модальное противоречие использовано в двух поэтических рецепциях «Я вас любил...»:

*Я тоже любил, и она еще
Жива, может статься...*

(Б. Пастернак «Из поэмы»)

*Я вас любил. Любовь еще (возможно,
что просто боль) сверлит мой мозг.*

(И. Бродский «Двадцать сонетов к
Марии Стюарт»)

Однако иерархия модальных операторов здесь другая и соответственно другое общее значение: у Пушкина это «актуальность ирреального», у Пастернака и Бродского «ирреальность актуального».)

Следующая строка снова отвергает реальную модальность:

(II) Но пусть она вас больше не тревожит.

Между *пускай* и *пусть* различие того же порядка, что между *может быть* и *быть может*. *Пускай* обозначает физическую достижимость, *пусть* — логическую возможность. Ср.: *Пускай умру, но пусть умру любя*. Нет никакой гарантии умереть любя, но умереть не любя тоже не является физической необходимостью. Следовательно, *пусть* обозначает логическую («обоюдную») возможность, вводит альтернативный Л-мир.